

Изогнутый ручей для свадебной чаши

— Насмотрелся? — с непонятной интонацией спросил Се Хунъи.

— Тьфу, сколько я смотрел... почему ты меня не разбудил?

— Ты же не боишься умереть, — тихо сказал Се Хунъи. — В таком месте смеешь отвлекаться. Я исполню твоё желание.

Дань Фэн с силой потёр переносицу. Ему казалось, что он упустил что-то чрезвычайно важное, и в груди застрял ком.

Красный свет перед глазами после короткого мерцания стал ещё более туманным.

Вся Башня Юньшао была освещена лишь четырьмя фонарями по углам, и в ней царил полумрак. В центре стоял длинный пиршественный стол, изогнутый в виде иероглифа «возвращение». Гости в большинстве своём сидели к нему спиной. Их высокие головные уборы и роскошные одежды, украшенные изображениями бессмертных птиц, были подёрнуты тускло-жёлтой дымкой, словно во сне.

Это что, чиновничьи одеяния?

Он мало разбирался в рангах смертных, но даже ему было ясно, что эти «цветы и птицы» — не из простых.

Откуда здесь столько знати?

— Столько вина пьют, можно подумать, это их свадьба, — заметил Дань Фэн.

— Ты по запаху определил?

— А то! Это же не только что открытое вино. Весь воздух в башне горячий, такой бывает от разгорячённых вином людей. Постоишь подольше — сам пропитаешься, — бросил Дань Фэн, но его взгляд внезапно застыл. Он уловил скрытый смысл в словах Се Хунъи.

Почему «по запаху»?

Потому что их не видно.

На длинном столе громоздились горы изысканных яств и посуды, но не было ни единой чаши для вина!

Стоило ему учуять хоть малейшую странность, как он не мог остановиться и начинал копать дальше. Теперь, присмотревшись, эта пиршественная картина приобрела зловещий оттенок.

Они сидели неправильно.

Все гости опирались одной рукой о стол, их плечи были слегка откинuty назад, они не сидели плотно, словно в любой момент готовы были вскочить.

Их появление с Се Хунъи не привлекло ничьего внимания.

Предельная сосредоточенность обернулась страхом.

Небольшой, чистый ручей, заключённый в русло из алого золота, протекал под сиденьями гостей, огибая стол.

Ветра не было, но вода в ручье слегка подрагивала, покрываясь рябью, словно от прикосновения стрекозы.

Дань Фэн тут же понял, что это дрожит земля.

Более десяти золотисто-красных танцевальных рукавов взметнулись из центра зала, развеваясь и сверкая, словно молнии.

Рукава опустились на пол, и из них, словно из коконов, появились танцоры. Мужчины и женщины, их лица были скрыты за жемчужными занавесками, а на ушах и запястьях звенели золотые кольца. Их высокие, стройные фигуры были редкостью, скорее всего, это были люди ху из северо-западных земель Тяньи.

Музыканты сидели вокруг танцевальной площадки, их руки мелькали так быстро, что ни струн, ни поверхности барабанов не было видно. Всё слилось в единое размытое пятно, словно бушующий ливень, в котором сверкали лишь золотые кольца на запястьях.

Эта роскошная сцена больше походила на дворцовый пир.

Откуда Се Хунъи собрал всех этих людей?

Дань Фэн открыл слуховые каналы, и в его уши ворвался не звук музыки, а оглушительный золотой дождь, такой величественный, что им можно было бы почтить богов.

Башня Юньшао, будучи источником звука, была на удивление тихой, даже внешние шумы сюда не проникали.

Стоило войти в эту башню, как тебя окутывала атмосфера мира и процветания, а снежная буря оставалась далеко позади.

Любой, кто пережил снежную напасть, даже если бы и заподозрил, что это сон, не захотел бы просыпаться.

Музыка становилась всё быстрее, танцоры кружились в вихре, пиршество было в самом разгаре!

Танцоры взмахивали рукавами, и в этом непрерывном движении их строй не нарушался. Танец становился всё стремительнее, словно ручей, который взбудоражил порыв ветра.

Жемчужные нити и серебряные лозы сверкали, пятицветные одежды переливались, и всё это омывалось ярким светом музыки, ослепляя и завораживая. Дань Фэн отвёл взгляд и тут же утонул в ледяной воде...

Градоначальник Се сидел в стороне, подперев голову рукой. Серебряный браслет лениво обхватывал его локоть. На его полускрытом в тени лице не было и капли крови, но всё сияние зала, едва коснувшись его, тут же гасло, словно его поглощала бездонная пропасть.

Дань Фэн на мгновение замер, а затем широким шагом подошёл к нему и без церемоний опустился рядом. Его локоть с глухим стуком ударился о стол, отчего локоть Се Хуньи подпрыгнул, но серебряный браслет даже не шелохнулся, продолжая сковывать бледную кожу.

— Ты что, дикий слон? — спросил Се Хуньи.

— Не думал, что в городе есть тяньские танцы, — сказал Дань Фэн. — Градоначальник Се, ты обычно это слушаешь? Почему же ты не становишься спокойнее?

— Может, тебе окно открыть, проветриться? — усмехнулся Се Хуньи.

Дань Фэн посмотрел на тяжёлую, как занавес, снежную бурю за окном.

— Нет, спасибо. Иначе мне захочется прикончить парочку из Сюэлянь.

— Тогда к чему эти вопросы?

Дань Фэн сидел рядом с ним, но был на полголовы выше, и его фигура излучала угрозу.

— Когда мы срывали фонари, ты был очень недоволен. Неужели я должен был знать твоё имя?

— Ты слишком много думаешь, — ровным тоном ответил Се Хунъи. — Разве в тебе есть что-то, что может вызывать радость?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Дань Фэн. — А что, если я смогу узнать? Градоначальник Се, давай заключим пари? Если я проиграю — делай со мной что хочешь. А если выиграю...

Се Хунъи слегка повернул голову, не выказывая ни малейшего желания разговаривать с ним.

Но взгляд Дань Фэна был прикован к его рукаву. Он не поднимал глаз, но смотрел так пристально, что, казалось, мысленно выжигал форму серебряного браслета, превращая его в раскалённые оковы.

— Я хочу лишь, чтобы ты спустил свой браслет на запястье.

— Сказать «бесстыдник» — значит, недооценить тебя, — холодно усмехнулся Се Хунъи.

— Лучше, чем когда кто-то держит меня за дурака.

— Осознание себя дураком?

— У меня всегда была хорошая интуиция, — сказал Дань Фэн. — Я уже говорил, некоторые вещи я узнаю, даже если они превратятся в пепел.

Се Хунъи уже давно смирился с тем, что за ним охотится ищейка. Сейчас Дань Фэн скалился на него, на три части догадываясь, на семь — блефуя. Поэтому он продолжал спокойно играть с браслетом, и его сердцебиение не дрогнуло.

Дань Фэн, не добившись своего, не расстроился и просто отвёл взгляд.

Хотя окна и двери были плотно закрыты, фонари снаружи начали качаться, время от времени издавая леденящий душу стук.

Башня Юньшао была высокой, и тени было бы нелегко вырвать её с корнем. Но с помощью Техники Переплавки Тени прорваться внутрь не составило бы большого труда. Сейчас же удары фонарей о стены казались скорее проявлением озорства.

Тук, тук, тук.

— Они в ловушке, почему они не боятся? — спросил Дань Фэн.

Гости не только не смотрели в окна, но, наоборот, выпрямились в своих креслах. Золотистое сияние, окутывавшее их, исчезло, и Дань Фэн смог разглядеть их лица. Все они были разными, но на каждом застыло одно и то же выражение — страх!

Они не замечали шума снаружи, всё их внимание было приковано к тому, что происходило перед ними.

В ручье под столами внезапно появилось множество больших и маленьких винных черпаков. Они сталкивались друг с другом в такт музыке, и Дань Фэн сразу заметил, что к их ручкам привязаны знакомые красные нити.

Столько людей в Башне Юньшао, и все ещё совершают обряд?

Пока черпаки плыли по ручью, между столами сновали слуги с золотыми подносами, и блюда менялись с калейдоскопической быстротой.

Плеск!

Один из черпаков был выхвачен из воды. С него стекали струйки вина, и в этой прозрачной завесе две руки почтительно подняли его над головой. Вино колыхалось, а два больших пальца были плотно прижаты ко лбу.

Это был жест слуги, подносящего вино.

Человек стоял на коленях, одетый в алую одежду с одним обнажённым плечом. На его шее висело золотое ожерелье, а мышцы на руках бугрились, отливая тёмной бронзой. Судя по размаху его рук, в полный рост он был бы очень высоким.

Куньлуньский раб?

Куньлуньские рабы из северо-западных земель Тяньи были сильны, как медведи, и идеально подходили на роль стражников. Его ладони были размером с веер, с выступающими костяшками, и когда он подносил вино, это выглядело несколько комично.

Но в тот миг, когда Куньлуньский раб взял черпак, все вокруг затаили дыхание, а мышцы на их лицах непроизвольно дёрнулись. Так смотрят не на слугу, а на вестника смерти!

— Гости не пьют?

Никто не ответил.

— Хозяин скоро будет. Прошу гостей выпить по чаше, чтобы градоначальник не упрекнул слуг в плохом приёме.

Сказав это, Куньлуньский раб быстро прополз на коленях несколько шагов и поднёс черпак к одному из гостей. Тот посмотрел на него с выражением ужаса, резко откинулся назад, но его рука осталась лежать на столе.

Дань Фэн почувствовал необъяснимую тошноту. Половина лица Куньлуньского раба мелькала за черпаком. Его чёрные, блестящие кудри спадали на шею, черты лица были даже красивы, но в глазах горели две зелёные искры, в которых плескалось не то подобострастие, не то жалкая мольба.

— Гость, будьте милостивы, выпейте чашу, — умолял Куньлуньский раб и низко склонил голову к ногам гостя. Тот отдернул ногу, но раб вскрикнул и опрокинулся на ковёр, расплескав вино.

Гость не успел и слова сказать, как раб, отбросив черпак, вскочил на ноги и принялся хлестать себя по щекам:

— Хорошо ударили, хорошо! Это Молэ плохо услужил, помешал гостю наслаждаться пиром, простите, простите!

После серии пощёчин щёки Куньлуньского раба распухли, но его глаза всё так же блестели маслянистой зеленью. Он обежал взглядом гостей, а затем снова выловил из ручья черпак и пополз на коленях в их сторону.

Дань Фэн в жизни не видел такого бесхребетного существа, и на его лице появилось странное выражение.

— Градоначальник Се пользуется большим авторитетом. Тебе такое нравится?

— Это не мой человек, — ответил Се Хунъи.

— Тогда почему он тебе вино несёт?

— А ты думаешь, к кому он ползёт? — с кривой усмешкой спросил Се Хунъи.

Тем временем Куньлуньский раб уже был у их стола. Дань Фэн ещё не успел ничего сделать, как за соседним столом раздался лязг — кто-то от страха уронил палочки.

Дань Фэн покосился в ту сторону. Это был стройный молодой заклинатель с резкими чертами лица, за спиной у него висел старый меч, что говорило о том, что он много странствовал. Но одет он был в роскошное чиновничье одеяние, а нефритовый пояс был так велик, что болтался

на талии.

И тут он понял, что это не настоящая одежда, а театральный костюм.

Юноша с мечом уставился на Куньлуньского раба, его кадык дёрнулся, а на шее мелькнул знакомый медный блеск красной нити.

Зеркало малого возвращения духа. Это был ученик Союза Бессмертных.

Куньлуньский раб был очень любезен и тут же поднёс черпак к юноше:

— Гость желает пить?

Юноша, уставившись на черпак, застыл на месте. Лишь когда сосед толкнул его локтем, он очнулся и крикнул:

— Кто позволил тебе трогать мой черпак?

— Подавая вино гостю, естественно, нужно использовать черпак гостя. Вы считаете руки слуги грязными? — испуганно спросил Куньлуньский раб.

Юноша выхватил у него черпак и швырнул его обратно в ручей. Его лицо пылало от гнева. Куньлуньский раб затрясся, как осиновый лист, а затем схватил со стола нож для нарезки баранины и полоснул себя по ладони.

— Это слуга плохо услужил, прошу прощения у гостя!

Одним движением он срезал с ладони лоскут кожи и с глухим стуком пригвоздил его к столу. Алая, сочащаяся кровью пятерня всё ещё подёргивалась.

Лицо юноши-заклинателя исказилось.

— Прочь!

Куньлуньский раб, смущённо опустив глаза, отступил на несколько шагов. Лишь тогда среди гостей послышались сдавленные рвотные позывы. Дань Фэн услышал, как юноша-заклинатель тихо спросил своего соседа:

— Это уже какой круг? Почему градоначальник Се всё не идёт?

— Ты меня спрашиваешь, а я кого? Меня уже от свадебного вина тошнит, — ответил его товарищ. — Лоу Фэйгуан, выбрось скорее эту кожу, а то Куньлуньский раб ещё на тебя её повесит.

Лоу Фэйгуан, размахнувшись, швырнул омерзительный лоскут, но его взгляд был прикован к пирожному на столе.

— Байли, это угощение действительно поможет? — с сомнением спросил он.

— Говорят, каждый раз, когда на пиру подают пирожное «Нефритовая шпилька», настроение градоначальника улучшается, — ответил его товарищ. — Ладно, попытка не пытка. Может, скоро и придёт.

— Надеюсь, — сказал Лоу Фэйгуан. — Взгляд Куньлуньского раба становится всё более жутким. Боюсь, этот круг мы не переживём.

Два юноши переглянулись, и на их лицах отразилась горечь.

Выслушав это, Дань Фэн всё понял.

Из-за того, что они были отрезаны от внешнего мира, эти гости не знали о происходящем снаружи и всё ещё ждали прибытия Се Хуньи.

Но...

Он покосился на Се Хуньи. Хоть на того и было трудно смотреть прямо, его присутствие было невозможно не заметить. В ярком свете он сиял, как ртутное зеркало.

Живой человек сидит прямо перед ними.

Эти гости уже отчаялись его ждать, но так и не заметили?

Се Хуньи, тем временем, неизвестно когда взял пирожное «Нефритовая шпилька» и неторопливо ел его. Похоже, слухи были правдивы.

Дань Фэн взял арахис и бросил его на стол Лоу Фэйгуана, а затем слегка приподнял своё Зеркало малого возвращения духа. Лоу Фэйгуан, очевидно, узнал его, и на его лице появилось сочувственное выражение.

— Юный друг, когда придёт градоначальник Се?

— Не знаю, — честно покачал головой Лоу Фэйгуан. — Раньше, после трёх кругов вина, градоначальник и его госпожа уже были здесь.

— Спасибо, юный друг.

Сказав это, Дань Фэн положил левую руку на плечо Се Хунъи. Движение было нарочито вежливым и дружеским, но его пальцы, твёрдые, как железо, мёртвой хваткой вцепились в плечо, готовые в любой момент перейти к удержанию.

Взгляд Се Хунъи на мгновение стал ледяным, а его пальцы слегка шевельнулись, словно он собирался вылить на него черпак с вином.

— Чему ты злишься? Я ещё не свёл счёты, градоначальник Се. Ты сидишь прямо перед ними, а они даже своего спасителя не узнают? Если ты не хочешь говорить мне правду, то не вини меня за то, что я свяжу тебе руки.

— Ты смеешь... отпусти! — холодно бросил Се Хунъи.

Дань Фэн сжал его ещё сильнее. Плечо было худым и острым, и сейчас оно напряглось от неподдельного гнева.

— Теперь я понимаю, что значит «что позволено Юпитеру, то не позволено быку». Ты таскал меня за зеркало, использовал как скакуна и как живой щит. Ах да, даже когда ты отвечал неправильно, страдал я, — сказал Дань Фэн и, войдя в роль злодея, с удвоенной силой оттянул другой рукав Се Хунъи. На локте был такой же серебряный браслет, а кожа под ним была гладкой, как лёд, без единого шрама. — Если я не ошибаюсь, — Дань Фэн потянул за красную нить, — эта штука спасла меня от многих бед, да? Се Хунъи, я спрошу тебя ещё раз: что с нами произошло после того, как появилась тень?

— Так у тебя, оказывается, есть мозги.

— Спасибо, но не так много, как у тебя, градоначальник Се, с твоими сотнями извилин. Эти гости всё ещё с нетерпением ждут тебя. Стоит лишь крикнуть, что градоначальник нашёл себе новую любовь...

Не успел он договорить, как к его горлу приставили холодную серебряную палочку. Се Хунъи не давил, но точно перекрыл ему голосовые связки, и вторая половина фразы превратилась в шипение.

— Ты что, пипа? — спросил Се Хунъи. — Не тревожь Куньлуньского раба.

Снова Куньлуньский раб.

Несмотря на его легкомысленное и угодливое поведение, то, как Се Хунъи к нему относился, говорило о том, что этого парня нельзя недооценивать.

— Он тоже из-под трона Божества, занимающего пустующий престол? — спросил Дань Фэн.

— Не только. У него есть собственный разум, — ответил Се Хунъи.

— Это хорошо или плохо?

Фонари по углам закачались, и красный свет заплясал. И музыканты, и танцоры оказались в тени, похожей на клубок змей, и их фигуры приобрели зловещий оттенок.

Арахис с глухим стуком упал обратно на стол. Лоу Фэйгуан обернулся и прошипел:

— У тебя есть возлюбленная, почему ты ещё здесь? Уходи скорее!

— Ты видишь мою возлюбленную, но не знаешь, кто она? — спросил Дань Фэн.

— Как я могу разглядеть? — удивился Лоу Фэйгуан.

Не может разглядеть?

Размышляя об этом, Дань Фэн почувствовал, словно его ужалили. Это липкое, тошнотворное чувство заставило его нахмуриться.

И действительно, Куньлуньский раб далеко не уполз. Он прятался под одним из столов и с тоской оглядывался, вытирая лицо ободранной ладонью. Его зелёные глаза блестели в кровавых разводах, и его взгляд был прикован к ним, а точнее, к Се Хунъи. Взгляд был настолько липким и сладким, что даже Дань Фэн должен был признать, что в нём было нечто до неприличия красивое, словно корзина шёлковых цветов, брошенная развратником из-за стены.

Впервые в жизни Дань Фэн почувствовал, словно его сердце залили салом. Ему захотелось свернуть рабу шею. Куньлуньский раб облизнулся, и его алый язык мелькнул. В тот миг, когда их взгляды встретились, его лицо заметно помрачнело.

Тем временем снова раздался голос Лоу Фэйгуана:

— Осторожно, он крадёт чужих жён!

***

<http://bllate.org/book/16978/1585713>